

ТУРКМЕНСКАЯ ИСКРА

Мастера культуры Советского Туркменистана

КАЖДАЯ РОЛЬ — ПРАЗДНИК

Героический поступок не представляет собой лишь мгновенную вспышку в человеческой жизни. Даже в военное время. Он всегда имеет под собой почву, фундамент. Складывается из совокупности определенных обстоятельств. После его свершения жизнь либо кончалась и начиналась легенда, или жизнь сама превращалась в легенду, и легендарная личность становилась нашим современником. У нас есть такая личность.

Трудно, очень трудно быть первым. Не за кем следовать. Некому подражать. Как говорится, и спотыкаться самому, и подниматься самому.

Актёрская жизнь Сурай Мурадовой началась в то время, когда подставленных подножек было куда больше, чем протянутых для помощи рук. Это было грозное, суровое время, когда первое в истории человечества социалистическое государство проводило коллективизацию, когда молодую Туркменскую республику терроризировали бесчинствующие банды басмачей, когда жизнь шестнадцатилетней комсомолки, отправленной в 1929 году, сразу же после окончания театральной студии, в далекий аул Хеннек Фарабского района для перепланировки населения, могла оборваться в любую минуту.

— Это было почти самоубийство, — вспоминает актриса. — Представьте себе: совсем еще девчонки, в европейской одежде, с комсомольским значком на груди и португесей на боку, пробирались почти через всю республику без провожатых, приходят в такие глухие аулы, где даже здоровенные мужики сидят дома, заперевшись на засовы и украдкой выглядывая в узкие, как бойницы на крепостной стене, окошечки. Моя младшая сестренка Сола, ныне народная артистка СССР, лауреат Государственной премии СССР была направлена в Динауский район, Донди Овлякулиева — в Саятский район, еще трое девушек — в западные районы республики, и к великому горю, все трое были зверски убиты врагами Советской власти...

И вот, проделав путь в 45 километров от Фараба, в глубину песков, я оказалась в ауле Хеннек. О том, чтобы меня встретили, как полагалось, я уж молчу. В сельсовете мне (почти шенотом) было сказано: «Никому тут неохота лишний раз дразнить зверей, так что иди на ты жить, товарищ комсомол, в конюшню. Басмачи то и дело навешиваются за лошадины, убьют — так тебя одну, а коли повезет — гляди, и не заметишь». Спасибо старик-сторожу — каждый вечер заглядывал в конюшню, заваливал вход сеном, каж-

дое утро приносил крошечную лепешку, и целый месяц был для меня и опекуном, и отцом, и богом-хранителем, если хотите.

Все же мне удалось выпросить одного милиционера и молодого учителя в качестве сопровождающих, и за месяц я провела проверку аульной школы и полную перепись местного населения. А, главное, нам и в голову не приходило, что можно не рисковать жизнью, не копаться так глубоко в порочных комсомольских делах, а просто составить поверхностный отчет о проделанной работе, поскорее покинуть опасную зону и вернуться в столицу. Комсомольская обязанность нашего поколения заключалась не только в том, чтобы аккуратно платить членские взносы и регулярно посещать все мероприятия. Кровью, жизнью мы платили комсомольские взносы!

Да, удивительная судьба у народной артистки республики, лауреата Государственной премии ТССР имени Махтумкули Сурай Мурадовой, в трудовой книжке которой в графе «Место работы» значится одна-единственная дата — 2 марта 1929 года. И вот уже пятьдесят четыре года первая актриса первого туркменского национального драматического театра из года в год, из сезона в сезон выходит на поклон к зрителям. И всегда покоренная публика встает, аплодируя мастерству и таланту Сурай Мурадовой, появляющейся на сцене в окружении партнеров.

А что творилось с публикой в конце тридцатых годов, когда она играла Солмаз в «Невесте огня» Джафара Джабарлы! Алты Карлиев выступал в роли Ильхана — возлюбленного Солмаз. Роль Акшина, ее брата, исполнял Базар Аманов. Ильхан был ярким безбожником, всем своим существом отрицавшим существование бога. Местное духовенство во главе с Акшином поставило его перед страшным выбором: либо виселица — либо Солмаз, но... с кораном в руках!

Естественно, Ильхан выбирал первое, и Солмаз становилась «невестой огня». Когда она, с распущенными волосами, медленно, но решительно погружалась в пылающий огонь, потрясенная публика буквально рыдала! Актриса настолько входила, вживалась в эту роль, что после спектакля, уже за кулисами, ее долго и безуспешно пытались успокаивать партнеры... Имя одной из первых и любимых актрисой героини стало символом всей жизни и творческой деятельности Сурай Мурадовой. Ведь «Солмаз» в переводе на русский означает — неувядающая. Какое счастье, что не-

повторимый, неувядающий талант Сурай Мурадовой по сей день волнует душу благодарного туркменского зрителя!

— Мне очень часто приходилось создавать на сцене образы матерей. — рассказывает Сурай Мурадова. — Хонзада в спектакле «Бай и батрак» Хакимзаде, Анна Андреевна в гоголевском «Ревизоре», Мария Александровна — мать Владимира Ульянова — в «Семье» Попова, Оразолтан в «Судьбе» Деряева, Нуртач в «Любви» Кекилова и Таганова, Бостан-эдже в спектакле «Капля воды — крупица золота» Кербабая...

Одинаковых, а тем более неинтересных матерей, как, впрочем, и детей, сами знаете, не бывает. Но «моя» матери, как видите, самые что ни на есть разные и исключительно интересные. Ну, скажем, Анна Андреевна, или уж тем более Мария Александровна в представлении не нуждаются. Особенно если учесть, что исполнение этих сложных и ответственных ролей требует не только опыта сценической работы, таланта и мастерства, а в равной степени и уверенности, смелости и, я бы сказала, дерзости.

Самой жестокой, коварной и отвратительной (вот уж не думала, что какую-нибудь мать можно будет «наградить» такими эпитетами!) из всех матерей оказалась Хонзада, первая жена бая, недоброжелая всегда и всем. Когда она, доведенная до бешенства ревностью и ненавистью, в слепом порыве мести душит ребенка своей соперницы, последней жены бая, я сама себя ненавидела. Да и зритель, видимо, не ожидал от меня «такого» и долго не мог поверить, что эту роль исполнила я.

Но дорожке всех для меня, как, пожалуй, и для зрителя, была и остается моя Нуртач, которую мне подарил (другого слова не подберу) мой любимый и прекрасный учитель, режиссер-постановщик спектакля «Любовь» Ораз Хаджимурадов. Это был редкий и очень приятный случай в моей жизни, когда мой учитель оказался моложе меня на целых семнадцать лет! В отличие от моей Оразолтан в «Судьбе», которая рыдала над телом убитого сына, Нуртач, потеряв сына-фронтовика уже после войны, как бы камееет, становится мужественнее, сильнее, добрее.

А над последней «своей» матерью — Бостан-эдже — я продолжаю работать...

Актриса умолкает на какое-то мгновение, но и его достаточно, чтобы в ее доброй и мягкой улыбке заметить легкую тень грусти.

— Наверное, наших режиссеров пугает мой возраст, — продолжает Сурай Мурадова, — потому что в последние годы они редко приглашают меня в свои спектакли. А как хочется играть, творить, создавать!.. Одним словом, жить! Ни одного дня не могу представить без сцены. Пока есть силы, хочу и буду работать...

Права, тысячу раз права актриса, подарившая туркменскому зрителю Любовь Яровую К. Тренева и Лауренсию Лопе де-Вега в одноименных спектаклях, Зарему в «Бахчисарайском фонтане» А. Пушкина, Амалию в «Разбойниках» Ф. Шиллера, Лидию в «Платоне Кречете» А. Корнейчука, Кручинину в «Без вины виноватые» А. Островского, Огулджан в «Судьбе отца» Б. Жакиева, Татьяну во «Врагах» А. Горького, Джемал в «Неймирке» Б. Аманова и К. Бурнукова, Джерен, Марал в «Сыне пастуха» и «Серебряном портсигаре» Г. Мухтарова и К. Сейтлиева...

Коллеги и сверстники помнят, как в годы войны Сурай Мурадова просилась на фронт в составе концертных бригад и как ей было отказано именно потому, что она была занята в репертуаре, который держался на ней. Ее любили и с великой радостью работали с ней такие большие мастера, как А. Аврусин, И. Громов, А. Каратов, Сидельников, А. Кульмамедов, А. Карлиев, О. Хаджимурадов. Так неужто она стала менее интересной актрисой? Конечно же, нет!

Мы имеем право гордиться неувядающим талантом прекрасной актрисы и восхищаться ее талантливой игрой на сцене и, значит, несем ответственность за сохранность этого таланта как живой истории туркменского национального сценического искусства.

— Каждая роль для меня — это неповторимый праздник, — говорит актриса.

Так нам ли забывать, что это праздник не только для нее, но, в первую очередь, для нас — любителей и ценителей настоящего большого искусства!

Ш. НУРМУРАДОВ.